

Через несколько дней Сигурэ пришла в голову одна мысль. Одним из их мастеров был человек по имени Ма Кенсей. Он был мастером китайского Кемпо, вторым по возрасту среди мастеров, и чудовищным бойцом... Даже если он выглядел как глупый маленький человек с большой лысиной, плохими усами и очень развратным взглядом. Но именно последнее и привлекло ее внимание. Она была уверена, что у Кенсея могут быть какие-то вещи, о которых она могла бы узнать...

Поэтому она мастерски пробралась в его комнату, пока он был в Чайна-Тауне, навещая свою местную семью, и обчистила все вокруг. На самом деле она сделала все возможное, чтобы все выглядело так, как было оставлено раньше. И она нашла несколько интересных вещей. И быстро украла большинство из них.

— Хммм... Кеничи это... понравится. — Пробормотала она про себя, выходя через окно на высоте 15 футов от земли с мешком краденого. Точумару последовал за ней, держа в руках нечто похожее на странную веревку с парой крючков на ней.

Когда Кеничи пришел на тренировку, он сразу понял, что что-то изменилось. Додзё мастера меча всегда было хорошо освещено: высокие окна были открыты со всех сторон, лампы наготове. Но не сегодня... Все окна были закрыты, и горела только одна лампа. Он забеспокоился... Когда он услышал ее голос. — Вхо... ди.

Кеничи сглотнул, но закрыл за собой дверь и вошел.

— Сэнсэй? Все в порядке? — Его размеренные шаги вели его внутрь. Он уже привык к тому, что они шалили, но когда он шел, то принял боевую стойку. Его руки были готовы, а чувства настроены. Но все, что он мог чувствовать... это ее саму. Ну, и еще где-то Точумару, но мышшь никогда не была далеко от своей хозяйки. Впереди была перегородка, что-то для уединения, чего обычно не было в центре додзё. Из-за нее доносился голос Сигурэ.

— Да, я... нашла кое-какие вещи. Новый... наряд. — Беззвучными шагами появилась его сенсей.

Сигурэ была одета во что-то из ближневосточных гаремных фантазий. Ее рот и нос были закрыты темной полупрозрачной вуалью с золотой каймой. Казалось, она спускалась чуть выше ключицы и еще больше подчеркивала ее великолепные лавандовые глаза.

Остальная часть наряда была гораздо более откровенной и заставила ее ученика резко вдохнуть, так как его кровоток быстро пошел на убыль.

Ее верхняя часть была похожа на бикини: золотые края с полупрозрачной темной сеткой между ними. Они также едва прикрывали ее грудь, а в основном лишь подчеркивали ее огромный размер, в то время как ее твердые и возбужденные соски вдавливались в темную ткань. Прозрачность ткани позволяла ему четко различить их форму и даже розовый цвет.

Ее нижняя часть не была похожа на бикини, потому что она не соединялась между бедрами, а свисала до бедер и спускалась вниз спереди и сзади, позволяя тому, что было между ними, дышать, а ткань висела перед ней как почти несуществующий барьер. То, что там было, было такого же маленького размера, как и верх, а по краям торчали клочья лобковых волос. Это было похоже на гигантскую провокацию.

— С-Сигуре-Сэнсэй... — Кеничи пришлось сглотнуть, глядя на нее вот так. Он мог только различить намек на красный цвет по краям вуали, хотя ее глаза были ровными и спокойными.
— Ты выглядишь... потрясающе.

Она просто смотрела на него, и мальчик никак не мог понять, что сердце Сигурэ билось быстрее, когда она стояла почти обнаженная перед своим учеником, чем во время любого боя за всю ее жизнь. Она подошла к нему, и Кеничи готов был поклясться, что никогда не видел, чтобы ее бедра так покачивались. Боже, как женщина с такой миниатюрной фигурой и тонкой талией могла носить такие изгибы? Грудь Сигурэ была огромной, он и понятия не имел о размере чашечек. Он был там в тот день, когда Кэнсэй пытался записать ее размеры, и был раздет догола в ярости, но размер груди был гораздо больше, чем D!

Но каков бы ни был размер, ее тело было прекрасным. Ее готовили к разрушению, но, честно говоря, она выглядела так, словно была рождена для созидания. Порождения... И Кеничи был так возбужден, что чувствовал, как этот особый инстинкт требует внимания.

— Я хотела... выглядеть сексуально. — Сигурэ отвела взгляд, когда она произнесла эти слова, смущаясь так, как он никогда раньше не видел.

— Ты выглядишь... Правда, выглядишь. — У подростка практически текли слюнки, когда он смотрел на ее тело, борясь с инстинктом отвернуться от этой непристойной демонстрации, потому что в этом и был весь смысл. Его сенсей хотела, чтобы ее увидели.

— Мы сегодня не... тренируемся. — Это застало его врасплох, несмотря на наряд. — Ты достаточно тренировался. Теперь я хочу... тебя. — Она сделала последние шаги, и ее руки поднялись и легли ему на плечи.

— Я... Я тоже хочу тебя... — Он смог разобрать намек на улыбку сквозь ее вуаль. Он немного дрожал, она чувствовала это. Но его сильные мышцы не поддавались. Он, как всегда, упорно трудился сегодня, и вот он здесь.

— Теперь ты... мой. — Он моргнул, но его дыхание перехватило. — Не просто мой... ученик. Но скоро... — Она снова отвела взгляд, и он увидел, как она покраснела. Она притянула его ближе, и ее едва прикрытая грудь прижалась к его груди. Мягкая женская плоть, большая и идеальная на его теле. Он понял, что чувствует ее сердце, и оно билось почти так же быстро, как его собственное. — И мой возлюбленный тоже.

Сигурэ подняла голову, откинула вуаль в сторону и прижала его рот к своему.

Подросток был неподвижен, как одна из статуй Акисамэ, но когда он почувствовал, как ее губы прижались к его, из его горла вырвался стон, и он обхватил ее сильными руками. Сигурэ ответила ему более тихим стоном, голодным. Они углубили поцелуй, и она прижалась бедрами к его бедрам, она чувствовала его, этот длинный толстый член своего ученика. Он ждал ее, этого влажного места между ее ног.

Они разорвали поцелуй, и завеса снова упала между ними, разрезав нить слюны, которая соединяла их. — Вау... — Сказал мальчик, и Сигурэ одобрительно хмыкнула. — Подожди... любимая, ты хочешь сказать, что хочешь этого? — Она ответила, прижавшись тазом к его тазу, и Кеничи издал небольшой стон, несмотря на себя. — Хорошо... — Сказал мальчик, качая головой и делая небольшие быстрые кивки.

Сигурэ начала раздевать его. Она сделала половину его гардероба, ее талант кузнеца почти не уступал ее мастерству швеи. И это помогало, когда рядом был кто-то, кто занимался подобными вещами, когда наряды регулярно уничтожались. Иногда ее немного раздражала эта работа, но недавно она получила странное удовольствие от того, что чинила одежду, которую ее собственный клинок срезал с него... Прямо перед тем, как удовлетворить его юношеские потребности.

Но сейчас она впервые раздевала его как возлюбленная, и получала от этого еще большее удовольствие. Его даги, затем цепочка под ними. Затем его защита запястий, подаренная ему Миу и ее дедом, и чак для муай каада, обхватывающий его костяшки пальцев. Она наконец-то сняла с него штаны кунг-фу и получила огромное удовольствие от высвобождения бушующего члена, который скоро станет частью ее самой.

Кеничи стоял все это время, замороженный тем, как эта красавица заставляла его внимать... — Я хочу, чтобы ты... взял меня. Используй мое тело... для удовлетворения своих потребностей. — Она провела пальцами по его груди, затем сжала его член так, что подросток застонал. Он кивнул.

— Я... Я буду. Это мой первый раз... Сэнсэй.

Сигурэ просто смотрела на него, на ее лице не было никаких эмоций. Наконец она кивнула. — И у меня... тоже. — Шок Кеничи был очевиден, и Сигурэ наклонила голову в сторону. — Ты... не веришь мне?

Кеничи тут же покачал головой. — Нет! То есть, конечно, верю! Я просто... поражен... Ты такая красивая сенсей... — Но Сигурэ только пожала плечами.

— Я никогда не хотела... близости. А теперь хочу. С тобой. — Кеничи понял, как ему повезло. Он сражался в стольких битвах, тренировался так усердно, чтобы угодить своим мастерам. И в кои-то веки он был рад, что Миу, по сути, тянула с ним больше года. Потому что это означало, что он может быть с Сигурэ. Широкая улыбка, расплывшаяся по его лицу, была настолько чистой, что Сигурэ даже немного покраснела в ответ.

— Я тоже хочу быть с тобой, Сэнсэй. — Она отвернулась, но когда он протянул руку, чтобы взять ее, она сжала ее.

— Ты можешь звать меня... Сигурэ. — Его улыбка расширилась, но по капризу мальчик потребовал большего.

— Сигурэ... -чан? — Она напряглась и удивленно вскинула голову. От этих слов она покраснела еще сильнее, чем от того, что надела этот скудный наряд, раздела его догола, или даже от того, что ежедневно делала ему сиськотрах и минет, почти поклоняясь его потному подростковому члену!

Наконец, она кивнула. И улыбка Кеничи стала ослепительно лучезарной. И надо же, он действительно почувствовал, как ускорило ее сердце! Не дожидаясь больше, Кеничи потянулся вверх, чтобы откинуть вуаль в сторону для очередного поцелуя. И пока она обнимала его, он держал ее за бедра... а затем позволил одной руке любопытно блуждать вниз, чтобы сжать ее пухлую круглую попку, вызвав еще один небольшой стон у женщины.

Вместо того, чтобы прервать поцелуй, он потянулся ниже и обхватил бедро, затем потянул его. Сигурэ почувствовала небольшую заминку в дыхании, но быстро перевела дух. Она подняла ногу, и он обхватил ее за талию. Она потянула вторую ногу вверх без подсказки, и, когда обе ее ноги обхватили Кеничи, он свободно схватил и сжал ее задницу, когда она застонала ему в рот. Он мог бы легко держать ее за попу, но она легко прижалась к его сильным плечам и шее, пока он лапал и сжимал ее задницу, а ее груди терлись о его мускулистую грудь. Его член был таким твердым между ее ног, что свободные куски ткани почти ничего не делали. И вот, когда они прижались друг к другу, она наконец была отодвинута в сторону, и он почувствовал мягкий пух ее лобка, прижавшегося к его обнаженному стволу.

От этого ощущения Сигурэ застонала и покачала бедрами, надавливая своей влажной киской на его ствол. У нее никогда раньше не было такого члена рядом с ее пахом. Это было немного пугающе, но она хотела этого так сильно, больше, чем когда-либо прежде.

Он, наконец, начал уносить ее, в глубине додзё была ее личная комната. Большинство других мастеров оставались в главном доме и пользовались большим додзё, но у Сигурэ была своя, поменьше, для личного пользования и уединения. Стены были украшены оружием, некоторые из которого предназначались для тренировок, но большинство было в рабочем состоянии. Ее комната была под строгим запретом и оснащена необозримым количеством мин-ловушек. Большинство из них она обезвредила, чтобы дать своему ученику прямой доступ.

Внутри ее комната была такой же простой, как можно было ожидать от такой прямой женщины, как она. Сбоку стояла одна фотография в рамке. Внутри была нарисованная от руки фотография, на которой были изображены маленький ребенок и взрослый мужчина. Это был не мальчик, а совсем юная Сигурэ в одном лишь фундоши и мужчина, который ее вырастил. Фотография была сделана углем и нарисована Акисамэ по памяти. Одна из ее дорогих вещей, напоминающая ей об отце.

Среди других предметов было множество смертоносного и даже легендарного оружия. Клинки и инструменты, которые убили сотни и даже тысячи людей. Они больше не были в руках их злых хозяев, их собрала Сигурэ. А посреди комнаты стояла единственная раскладушка из футона.

Она выросла на гораздо меньшей, и для такого человека, как Сигурэ, это было довольно роскошным удобством. Она была достаточно велика, чтобы вместить двоих... Он заметил и другие детали комнаты, в том числе место для сна Точумару, но все его внимание было сосредоточено на его Сэнсэе и на том, чтобы добраться до этого футона!

<http://tl.rulate.ru/book/697/9993>